

Виктория Токарева

*Муля,
кого ты привез?*

Издательство «Азбука»

Виктория Самойловна Токарева

Муля, кого ты привез? (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8970300

Муля, кого ты привез? : Рассказы: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-389-09609-7

Аннотация

«Что такое молодость? Бездна энергии, легкое тело. Мы поглощали жизнь горстями, и казалось, что за поворотом нас ждет новое, неизведанное счастье. Любовь, например, или слава, или мешок с деньгами. Или то, и другое, и третье одновременно...

Всегда считалось, что, переступив через шестьдесят лет, женщина переходит в статус бабушки-старушки и должна сидеть со спицами в руках и вязать внукам шерстяные носочки... В шестьдесят лет что-то заканчивается, а что-то начинается. Начинается свобода. А свободой каждый распоряжается по-своему».

В. Токарева

Содержание

Письмо	5
Все врут и мрут	15
Тогда и теперь	21
Размышления по поводу	24
Париж	30
Лето	38
Он и она	45
Скажите, пожалуйста...	53
Справедливость	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Виктория Токарева

Муля, кого ты привез? (сборник)

© Токарева В. С., 2015

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Письмо

Она его любила.

В чем это выразалось: она всегда по нему скучала. И даже в те часы, когда они спали в одной кровати, взявшись за руки, даже во сне она по нему скучала и тянулась. Ей всегда было мало видеть его, слышать, вдыхать.

Она всегда о нем думала. Он существовал в ней даже тогда, когда его не было рядом.

И третье, основное: она им восхищалась. Это был талантливый оператор, единственный в своем роде. Другого такого не было. Он видел людей и природу иначе, чем все. Каждый кадр, который он снимал, – произведение искусства. Он умел останавливать мгновение. И, глядя на белое безмолвие Севера, на хрустальный ручей или на осмысленную морду верблюда, невольно думалось: велики дела твои, Господи...

Они вместе работали на киностудии документальных фильмов. Он был оператор, она – режиссер. Они вместе ездили на север и на юг, снимали лежбище тюленей и сбор хлопка. Спускались на дно океана в подводной лодке. Ее мучила клаустрофобия. Она не представляла себе, как можно находиться в таком замкнутом пространстве.

Однажды она спросила у капитана подлодки:

– А бывает так, что кто-нибудь нажимает кнопку самолик-

видации?

– В каком смысле? – уточнил капитан.

– Ну, хочет покончить с собой и со всеми...

– Что ты глупости спрашиваешь? – одернул Оператор.

– Вовсе не глупости, – сказал капитан. – Случается, не выдерживают тесноты и духоты, сходят с ума. Но один человек не может вывести лодку из строя. Все предусмотрено. Одна кнопка ничего не решает.

Поднимались в небо на воздушном шаре. Она боялась высоты и старалась не смотреть вниз, и все же смотрела. А он ее пугал. Было весело и жутко одновременно.

Работа была разнообразная, интересная. Репортажи получались яркие. И любовь, которая охватила их обоих, как божественный вирус, стояла за кадрами. Фильмы запоминались и не старели со временем.

Он тоже ее любил. За что? За то, что она любила его и ее любовь, как климат в теплых странах, грела, и нежила, и была постоянной.

Еще он любил ее за молодость, свежесть восприятия. И за характер. Ей все нравилось. У нее не бывало плохого настроения. И еще он любил ее за преданность делу. Она не умела и не хотела жить без работы. Для нее жить и работать – это одно.

Он и она – как две половины яблока. Если составить – получится целое. И фильмы у них получались, как целое ябло-

ко. Ни убавить, ни прибавить.

Единственное НО – это то, что он был женат, а она замужем. Они встретились на жизненном пути несвободными. Вначале это не мешало. Но, по мере того как любовь набирала силу, возникло противоречие между долгом и счастьем. Двойная жизнь стала мучением.

В конце концов они решили разрубить узел. Прийти домой и все сказать. Он признается жене, а она – мужу. Дальше – развод и свобода. А что делать со свободой – будет ясно. Либо они поженятся, либо останутся любовниками, но так или иначе не будет лжи и предательства.

Жить во лжи – это все равно что спать на грязных простынях.

Решение было принято в кафе, куда они забежали после работы. Они жаждали друг друга, а идти было некуда. А могло быть по-другому: они могли вместе возвращаться в свой общий дом и быть счастливыми.

– Когда? – спросила она. – Сегодня?

– Нет. Сегодня я устал.

– Завтра?

– Завтра у дочери день рождения.

– Тогда в среду.

Он согласился.

Она вернулась домой. Уединилась в своей комнате и написала Оператору письмо. Зачем? Ни за чем. Просто чувства

переполняли ее душу и выливались на бумагу. Ей хотелось поведать белому листку все, что чувствовала в эти минуты.

За окном стоял клен, который дотянулся до ее третьего этажа. Она написала про клен.

На ветке сидела старая ворона. Она помнила ее давно, видимо, ворона тут жила. Написала про ворону.

Счастье душило ее, и она ни о чем не хотела больше думать – ни о муже, ни о его родителях, ни даже о маленьком сыне. А что сын? Она заберет его с собой, и все. У Оператора дочь, у нее сын. Будут дружить.

Она написала ему о том, как он чихает. Ей нравилось, как он собирает лицо в мордочку и пырскает, как котенок.

Она написала, какие у него квадратные ладошки и черешневый запах. Чем пахнет черешня? Ничем. Свежестью. И скоро, уже после среды, она начнет вдыхать эту свежесть постоянно, жить в ней, существовать. Счастье...

Наступила среда. Ее муж стоял в прихожей, одевался. Он отправлялся в школу на родительское собрание. Обучение ребенка было на муже. Она на собрания не ходила и уроки не проверяла.

Она стояла и смотрела, как он одевается. Было страшно, как прыгнуть с парашютом в бездну. Страшно, но надо. Потом будет легче.

– Извини, – сказала она. – Я от тебя ухожу.

Он молчал. Заматывал шарф.

– Ты хороший, но мне с тобой скучно.

Он снял с вешалки куртку.

– Мне тридцать пять лет. Когда я думаю, что впереди еще тридцать пять лет такой бурой скуки, мне не хочется жить.

Муж застегнул на куртке молнию и вышел из дома. Хлопнула дверь.

Она набрала ванну и легла в горячую воду. Ее трясло. Нелегко убивать близкого человека.

Среда настала и в доме Оператора. Жена болтала по телефону с подругой.

Обычно его это раздражало. Всюду доносилось журчание ее голоса, как будто в доме мало дел. Одежда раскидана, в кухне полная раковина грязной посуды. Как они будут жить без него? Зарастут.

Жене – сорок лет. Она еще красивая и даже молодая, но сорок лет – ни туда ни сюда. Качественные мужики хотят молодых, чтобы рожали, а некачественные – кому нужны? Большая вероятность, что жена не выйдет замуж, останется одна – нервная, несчастная, будет срываться на дочери. Подранки. Подстреленные девочки. А он в это время должен будет воспитывать ее сына, который, возможно, хороший мальчик, но чужой.

– Ты чего? – подозрительно спросила жена. – Ходишь, как будто у тебя кактус в жопе.

Кактус был в душе. Оператор достал из холодильника бу-

тылку водки и стал пить, сидя на кухне.

Жена стала мыть посуду. Грюканье тарелок, шум падающей воды были кстати. Лучше, чем тишина.

В четверг Он и Она встретились.

– Я свободна, – сказала она.

Оператор промолчал.

– Ты не сказал? – догадалась она.

– Это выше моих сил.

– И сколько это будет продолжаться?

– Не знаю.

– Всегда?

– Не знаю.

Она поняла: он ее подставил. Она прыгнула с парашютом в бездну, а парашют не раскрылся.

Если подумать, можно, конечно, бросить и одного и другого. И мужа, и Оператора. Но муж – отец ее сына, а Оператор – залог ее успеха. Можно, конечно, бросить обоих и найти третьего, но зачем? И для чего?

Все осталось как есть.

Любовь к Оператору стала болеть. К чувству восхищения прибавилось легкое презрение, раздражение и недоверие. Они начали ссориться. Тема была одна: «У попа была собака, он ее любил, она съела кусок мяса, он ее убил». И так далее, по кругу.

Оператор стал ее побаиваться. Он знал, что в каждую свободную минуту она поставит свою пластинку.

Муж перебрался в маленькую комнату, и они стали жить как соседи. Сын по-прежнему имел полный комплект родителей, и это оправдывало их совместно-раздельное проживание.

Муж не уходил, ему было некуда. И она не уходила. Ей тоже было некуда. Так и жили, бок о бок. Вместе ели, праздновали Новый год и дни рождения, болели и выздоравливали.

Восемьдесят процентов жизненного наполнения составляла работа. Работа была фонтаном, давала деньги, призы, поездки, людей. Можно сказать, что она была замужем за своей работой.

Сын входил в сложный возраст, ему необходим был отец. Интересы сына ставились выше, чем свои.

Вокруг бушевала чума двадцатого века – наркотики. Сколько молодых соскальзывали в смерть... Необходимо следить за мальчиком, все знать, ничего не упустить. Надо было забыть о себе.

Вопрос: стоит ли забыть о своем счастье ради ребенка?
Ответ: стоит. Потому что дети – главная составляющая счастья.

У Оператора родился второй ребенок. Он любил о нем рассказывать. Новый ребенок – это всегда чудо, пришелец из космоса. Оператор не уставал его снимать и показывать в

группе. Все шумно восхищались, и было чем.

Семьи не разрушились. Прошли через кризис среднего возраста и устояли. Укрепилась.

Каждая семья – не яблоко из двух половин, а скажем так: половина яблока – половина огурца. Странный гибрид, однако существует.

Он и Она больше не вместе. Каждый по отдельности. Это никому не заметно, кроме них самих. Он – по-прежнему маэстро в своем операторском деле. Она – по-прежнему режиссер, востребованный и конвертируемый во всех валютах.

Успех приносит деньги, деньги приносят свободу и хорошее настроение.

Третий возраст она встретила в хорошем настроении.

У нее был дом в горах Осетии и дом на берегу моря в Болгарии, большая квартира в центре Москвы плюс дача в Подмосковье.

Он и она не общались. О чем говорить? О том, что у попа была собака? Но от собаки ничего не осталось, только скелет, и то неизвестно. Жизнь прошла. Во всяком случае, ее активная фаза. Доходили слухи, что Оператор болеет. Правильно. Надо же от чего-то умирать.

Однажды раздался звонок.

Это был Он. Его голос не изменился. Звучал так же, слегка хрипловато. Голос – инструмент души. Значит, и душа не

постарела.

– Знаешь, что было самым прекрасным в моей жизни? – спросил он.

– Откуда же я знаю...

– Твое письмо.

Она вспомнила письмо.

– А... – произнесла она.

А что еще сказать? Только «а»...

– Я чего звоню, у тебя нет копии?

– Зачем? – удивилась она.

– Я хотел взять письмо с собой.

– Куда? – не поняла она.

– Туда. У меня есть выходной костюм, в котором меня похоронят. Я положил письмо во внутренний карман, а оно оттуда пропало.

– Жена вытащила. И порвала, – догадалась она.

– Ну, не знаю. Но я не хочу без письма. У тебя, наверное, есть копия...

Она вдруг вспомнила, что написала это письмо в двух экземплярах: черновик и набело.

– Возможно, есть...

– Поищи, а?

– Ладно. Поищу, – пообещала она.

Письмо могло храниться между старыми фотографиями.

– Найдешь, позвони, – попросил он.

– Сам позвони.

- Когда?
- В среду.
- Договорились.

Настала среда. Ее архив находился на чердаке подмосковной дачи. Лестница крутая. Чердак захламлен. Где там искать? Легче сказать: не нашла. Как писал Куприн: «Обойдется цыганское веселье без марципанов».

Яблоко из двух половин не состоялось, и нечего его восстанавливать метафизически. У истории не бывает сослагательного наклонения. И у судьбы тоже не бывает.

Она ни о чем не жалела.

Со временем поняла, что ее муж имел больше козырей в своей колоде. Он умел переступить через себя во имя любви, и это не меньше, чем кадр белого безмолвия или осмысленная морда верблюда.

Все сложилось так, как сложилось. Судьба права. А может, и нет.

Все врут и мрут

В моем доме раздался телефонный звонок, и старческий женский голос спросил:

– Нельзя ли услышать Викторию Токареву?

– Это я.

– Здравствуйте, меня зовут Ольга Михайловна. Я хотела бы с вами встретиться.

– По какому вопросу?

Зачем нужна одна старуха другой?

– Это личное.

– Может быть, мы решим это по телефону? Я живу за городом. Долго добираться, – предупредила я.

– Ничего. Я приеду.

По голосу я определила, что бабке лет сто. Куда она потащится...

– Вы на машине? – спросила я.

– Нет. Я возьму такси.

Ну вот, еще и траты. Я медлила. Бабка не отставала и в конце концов дождала меня. Я назначила ей встречу.

Ольга Михайловна приехала без опозданий. В ее руках была папка.

В полвзгляда я определила: не старше восьмидесяти, со следами красоты, похожа на актрису Козыреву. Сейчас вряд

ли ее помнят: большие глаза, классический профиль. Лицо пятидесятих годов. Одета в самовяз, сама вязала и жакет и юбку. Значит, денег в обрез. Живет на пенсию.

«Бабка» ее не назовешь. Все-таки – дама.

Ольга Михайловна раскрыла папку и показала мне свои фотографии сорокалетней давности и даже рисованный портрет. Скорее всего, поклонник нарисовал.

Далее она рассказала мне, что работала в архитектурном бюро. Архитектор.

Я ждала, когда она озвучит мне цель своего приезда, но Ольга Михайловна тянула. Видимо, смущалась.

Я предложила чай. Мы сели за стол. Я видела: ее что-то мучит.

– Зачем вы приехали? – прямо спросила я.

Не для того ведь, чтобы показать свои фотографии...

– Вы знаете такого актера «К»? – Ольга Михайловна назвала имя и фамилию.

Лично я «К» не знала, но слышала о его нетрадиционной ориентации и даже знала, кто его сексуальный партнер. Эта ориентация без труда считывалась с его облика: хорошенький, жеманный, похожий на девушку. Актер не скрывал своей ориентации, более того – гордился. Сейчас этим гордятся, как высоким происхождением.

Ольга Михайловна смотрела на меня. Ждала ответа.

– Знаете? – переспросила она.

– Ну, так... – неопределенно ответила я. – А что?

– Я его поклонница, – призналась Ольга Михайловна. – Я была на его спектакле, а потом пришла с цветами за кулисы.

– И что дальше?

– Дальше он пошел меня провожать до автобуса. Во время спектакля прошел дождь, натекла громадная лужа. Озеро. А я была на каблуках. Он поднял меня на руки и перенес через лужу.

«Буквально “Бесприданница”», – подумала я.

– Мне кажется, он в меня влюбился. А я в него.

Я поняла, зачем она приехала: выяснить у писателя свои перспективы на счастье.

Я могла бы обнадежить старушку, дескать, любви все возрасты покорны. И что тогда? Ольга Михайловна, вдохновленная моими прогнозами, начнет названивать, приставать. Актер, естественно, будет избегать, прятаться, грубить, и все может кончиться плохо. Старушку хватит удар, и – здравствуйте, Константин Сергеевич. (Имеется в виду Станиславский.)

Зачем я буду обманывать человека, тем более она ехала ко мне за тридевять земель.

Я спросила:

– Сколько ему лет?

– Тридцать шесть.

– Значит, у вас сорок лет разницы. Бабушка.

– Ну и что? – не согласилась она. – У меня тонкая талия, тонкие запястья, стройные ноги... Почему мужчинам можно, а нам нельзя?

– Потому что задача любви – размножение, а старухи не размножаются.

– Задача любви – любовь. Душевный взлет.

– Для этого существует свое время. Оно так и называется: возраст любви. Вы его миновали.

– Я вышла замуж рано, но мой муж был «не по этому делу». Он любил меня платонически. Я мирилась. Жила с ним из-за сына. Мы оба с разных сторон обожали своего сына. А теперь, когда моя жизнь кончается, я впервые полюбила. Эта любовь стоит у горла. Я задыхаюсь. Я не знаю, что делать? Помогите мне...

– А внуки у вас есть?

– Есть, девочка.

– Сосредоточьтесь на внучке, – сказала я. – Переключите любовь на семью.

– Вы хотите сказать, что у меня нет шансов? Потому что я старуха?

– Потому что он – гей, – прямо сказала я.

– С чего вы взяли?

– Это известно.

– А почему он пошел меня провожать? Понес на руках? Обещал позвонить?

– Геи тяготеют к пожилым женщинам. С ними спокойно. Можно дружить.

– А с молодыми нельзя?

– Нельзя. Их надо трахать, прошу прощения. А голубые

делают это между собой. Женщины ни при чем.

– Что вы такое говорите? – не поверила Ольга Михайловна.

– А почему были уничтожены Содом и Гоморра?

– Почему?

– Вот поэтому. Геи существуют с незапамятных времен.

Они были всегда. И есть. И будут.

– В мое время их не было.

– Были. Просто их преследовали и они прятались.

Ольга Михайловна замкнулась, потом проговорила упрямо:

– Я звонила Вере Васильевой, она меня выслушала и сказала, раз я люблю, я молода. Пока человек любит, он молод.

Я поняла: она звонила не только мне. Она хотела привлечь всю страну.

– Не надо развешивать свои проблемы, как белье на веревке, – посоветовала я. – Вам никто не поможет, кроме вас самой. «Все врут, и все мрут». Это слова из пьесы. Но это – правда. Кстати, автор этой пьесы – гей.

Ольга Михайловна долго молчала, потом проговорила:

– Я несчастна...

– Вообще нет. У вас большое прошлое. Вы прошли большой жизненный путь. Подумайте, как много молодых не дошли и до середины, а вы – в пути, в прекрасной форме. У вас тонкая талия и стройные запястья...

– А будущее?

– Будущее – внучка. И любовь там же.

Перед тем как уйти, Ольга Михайловна остановилась в дверях и спросила:

– Вы меня не бросите?

Видимо, она не рассчитывала на себя. Ей была нужна чья-то рука.

– Ну конечно нет, – наврала я.

Невозможно же было ее оттолкнуть. Тем более что слова – ничего не значат.

Все врут, и все мрут.

Тогда и теперь

Ольга Михайловна позвонила мне с новым несчастьем. Она не могла жить без потрясений.

– От сына ушла жена и забрала внучку, – сообщила Ольга Михайловна.

– Почему? – спросила я.

– Потому что ребенок должен жить с матерью.

– Почему ушла? – уточнила я.

– Он мало зарабатывает. Двести долларов в месяц.

– А где он работает? – удивилась я.

– В высшем учебном заведении.

– Кем?

Я подумала: может, он инвалид и моет окна...

– Декан философского факультета.

– Я не ослышалась?

– Нет. Все именно так.

Ничего себе. Государство плюет на философов. Хотя зачем сейчас нужны философы? Какой от них толк? Никакого.

– Он красивый и умный, – сказала Ольга Михайловна. – С ним так интересно разговаривать.

– Пусть найдет себе другую жену. В университете полно студенток.

– Современные молодые женщины – алчные и недалекие. Особенно провинциалки. Ему нужна ровесница, которая бы-

ла бы ему равна по интеллекту.

– А сколько лет вашему сыну?

– Сорок пять.

Я задумалась. Вокруг меня – море одиноких сорокапятков. К пятидесяти годам современные мужчины сваливают из семьи, устремляются на зов новой любви. Сорокапятки остаются у разбитого корыта. Как правило, это – красивые, образованные, элегантные женщины, гораздо более сексуальные, чем в свои двадцать лет.

– Я подумаю... – пообещала я.

В этот же вечер я позвонила своей молодой подруге Карине. Ее специальность – пиар-менеджер. Что это такое – понятия не имею.

Карине сорок пять, но выглядит на тридцать. Похожа на Жаклин Кеннеди, но лучше. У Жаклин слишком широко раздвинуты глаза, а у Карины все на своих местах. Плюс изумительный парфюм. Она пахнет, как жасминовая ветка, – легко и упоительно.

Я набрала номер Карины:

– Привет. Я нашла тебе жениха.

– Кто такой? – тут же заинтересовалась Карина.

– Декан философского факультета. Красивый. Умный.

– Каков его годовой доход?

– Две с половиной тысячи долларов, – посчитала я.

– В месяц?

– В год.

– А зачем он мне?

– Ты будешь ложиться спать не в холодную постель, в теплые руки. Он будет тебе говорить слова: «Ты лучше всех, ты единственная».

– Понятно. Я должна буду платить за него в ресторане.

– В рестораны ходить необязательно, – сказала я.

– Ну почему же? Я люблю рестораны. В Москве сейчас много интересных мест. И я люблю отдыхать два раза в год, зимой и летом.

– Тогда придется платить тебе. Или отвыкнуть от своих привычек.

– Значит, так, – подытожила Карина. – Мне нужно, чтобы мужчина решал мои проблемы, а не говорил слова. Слова – это бесплатное приложение, как бантик на коробке.

Карина свернула разговор и повесила трубку.

Я слушала короткие гудки и думала: моя молодость пришлась на первую хрущевскую оттепель.

Мы были другие. Женщины моего поколения любили за слова.

Мы были наивнее и чище. А может быть, в то время, кроме слов, не было ничего.

Размышления по поводу

Однажды, в советские времена, меня пригласили в сад «Эрмитаж» на встречу с читателями.

Я согласилась и приперлась в сад «Эрмитаж» в полном боевом оперении: платье от спекулянтки, прическа от парикмахера Жана – армянина из Франции.

Встреча происходила на свежем воздухе. Читателей собралось немало, человек сто, а может, двести. Они сидели на скамейках, а я перед ними за отдельным столом.

Читатели, как правило, женщины от сорока до шестидесяти, но попадают и мужчины. Редким и драгоценным вкраплением. Для меня это означало, что меня читают не только женщины, но и все люди.

Я читала свой последний рассказ. Отвечала на вопросы. Атмосфера сложилась дружественная. Я нравилась читателям, а они – мне.

Неожиданно от читателей отделилась объемная фигура, прошествовала не торопясь и остановилась возле моего стола. Далее последовал монолог минут на тридцать.

Я не стала ее перебивать и слушала вместе со всеми.

Прежде всего, я ее узнала. Это была довольно известная журналистка Надежда Сидорова. Она часто мелькала в телевизионных передачах и была интересна своими «НЕ»: НЕ-молодая, НЕ-красивая, НЕ-изящная. Весила полтора цент-

нера. Ходила в длинных юбках, носила шляпы. Этаким носорог в шляпе. Она ничего не стеснялась: ни своей формы, ни содержания. И это содержание она охотно выкладывала перед желающими послушать.

В сад «Эрмитаж» ее никто не приглашал. Она воспользовалась случаем. Ей хотелось внимания и успеха. Вдобавок ко всем «НЕ» можно прибавить еще одно: НЕ-скромна.

Я ничего не имела против ее появления. Наоборот. Я устала. У меня открылась возможность помолчать и отдохнуть. Я сидела и с удовольствием слушала ее историю.

История такова: она поехала в дом отдыха и познакомилась там с мужичком и у них завязался роман. Когда они вернулись в Москву, захотелось роман продолжить, но негде. У Надежды дома муж, у него примерно то же самое: семья.

Надежда договорилась с подругой, та дала ключи от своей квартиры. Квартира находилась на выселках в спальном районе, не то в Выхино, не то в Братеево. У черта на рогах. Надежда тщательно готовилась к встрече: купила бутылочку, приготовила мясо с приправами, взяла магнитофон (тогда это была кассетная бандура, довольно неподъемная) и со всем этим, нагруженная как осел, поехала в Выхино или Братеево. Своему любовнику она продиктовала адрес по телефону, и после работы он поперся на зов любви на трех видах транспорта: троллейбус, метро с двумя пересадками, автобус шесть остановок. Добравшись до нужной остановки, он долго бродил между одинаковыми домами. Никаких ука-

зателей, прохожие тоже путались.

Все плохое кончается когда-нибудь. Мужичок нашел наконец нужную квартиру.

Надежда включила свой магнитофон, полилась тихая музыка, танго тридцатых годов, музыка забытого ныне композитора Строка.

Надежда была в длинной юбке и в шляпе с широкими полями. Она поплыла на кухню, чтобы подогреть мясо. Любовник скинул ботинки, лег на диван. И заснул. Устал, бедный. Рабочий день, плюс дорога, плюс возраст. Не много, но и не мало, пятьдесят два года.

Когда Надежда появилась из кухни с выпивкой и закуской, ее любимый храпел как заведенный трактор. При выдохе его губы отдувались и получался звук «пу-у»... Носки были чистые, но с дырой на большом пальце – минус жене. Его живот лежал рядом с ним, как отдельный. Нужна ему эта любовь? И сколько хлопот вокруг такого простого дела...

Надежда рассказывала ярко, смешно. Вышучивала себя, не стесняясь. Только талантливая и сильная личность может вышучивать себя прилюдно. Однако есть действия, которые делать можно, а говорить о них нельзя. Туда же относится грех прелюбодеяния. Люди – не собаки, у которых соитие бывает раз в год. Человек делает это много чаще, но сие личное дело каждого и не выносится на коллективное обсуждение.

Содержание выступления было сомнительное, но форма

– выше всех похвал. Рассказывала Надежда замечательно.

Я писатель, ценю слово. Для меня очень важно, как человек звучит. Но зрители не смеялись, скорее недоумевали.

Надежда окончила монолог и ждала реакции. Поднялась женщина средних лет, похожая на учительницу, и сказала:

– Вы выдаете свои недостатки за достоинства...

По рядам прошел одобрителный гул.

Надежда Сидорова воочию убедилась: ее не поняли и не приняли. Подумала, наверное: «Ну и хрен с вами» – и удалилась восвояси. Обиделась. Она старалась, хотела как лучше, для них же и старалась, метала бисер перед свиньями...

Я потом долго думала: зачем она вылезла? Хотела внимания, это понятно, но это не все.

Надежда – талантливый человек. Этот талант давит на крышку, как пар у закипевшего чайника. Нужно выпустить пар. И она его выпускает. Рассказывает и сама упивается своим рассказом, и ради красного словца не пожалеет мать и отца, и тем более себя. Что касается ее «НЕ», она не может стать моложе, изящнее, поэтому не прячет недостатки, а стилизует их: юбка, шляпа. Ее прием, ее оружие – эпатаж. Она будоражит людей. Они только успевают вздрагивать.

Через какое-то время я увидела Надежду по телевизору в обществе молодого любовника. Это была желтая сплетническая передача, а обыватели обожают сплетни.

Любовник Надежды Сидоровой – мальчик двадцати че-

тырех лет, похожий на Джорджа Клуни, облегченный красавец, пустой и бедный. И дурак, судя по всему, иначе бы не лез на всеобщее обозрение в обнимку с носорогом.

Первое, что я подумала: а где его родители? Куда они смотрят? Во что превратится его душа после такой откровенной продажи?

А вдруг он ее любит? А вдруг...

На другой день после желтой передачи я пошла гулять. Мой путь лежал мимо детской песочницы. Дети сиротливо ковырялись в песке, а няньки сбились в кружок и горячо обсуждали «Джорджа Клуни» с Надеждой.

– Позорище! – заключила домработница Люба.

– А почему? – не согласилась Другая.

– Потому, что он ей внук. Поэтому.

– Ну и что? Сидорова – молодец. Она взломала стереотип.

Я тоже себе молодого заведу.

– Не с ровесником же ей спать! – поддержала Третья. – Ей сколько? Шестьдесят? Значит, ее партнеру должно быть семьдесят. Дед.

– Почему обязательно семьдесят? Можно и сорок. Мордюкова тоже молодых любила...

– Мордюкова была с магнитом, – заметила Люба. – Сколько угодно молодых, которые никому не нужны, а есть старухи – с магнитом, в них до старости влюбляются. Лиля Брик, например.

– Эдит Пиаф, – подсказала Другая.

– Анна Ахматова, – добавила Третья.

«Какие образованные домработницы», – подумала я и пошла мимо. Неудобно стоять и подслушивать. Надо либо подойти, либо двигаться дальше.

Я услышала мнение народа: «Сидорова взломала стереотип».

Всегда считалось, что, переступив через шестьдесят лет, женщина переходит в статус бабушки-старушки и должна сидеть со спицами в руках и вязать внукам шерстяные носочки... В шестьдесят лет что-то заканчивается, а что-то начинается. Начинается свобода. А свободой каждый распоряжается по-своему.

Надежда Сидорова умерла вскорости. И магнит не помог. Но она так и осталась в моих глазах: круглолицая, лукавая, неповзрослевшая.

Хорошо, что она была.

Париж

После перестройки в Европе возник огромный интерес ко всему русскому, и к писателям в том числе. Европе стало интересно: кто же там скрывался за железным занавесом?

В составе писательской делегации я приехала в Париж. На меня, как собаки на кость, буквально набросились французские издательства: восемь маленьких и три больших. Я выбрала большое и престижное издательство. Сейчас забыла, как оно называется. Как-то очень красиво. В этом издательстве издавались наши классики – ушедшие и живые. Я решила: здесь мне самое место.

Заведующей отделом славистики оказалась некая Каролина Бобович, француженка польского происхождения.

Я пришла к ней на переговоры.

Первое впечатление – противная. Второе впечатление – очень противная. Третье впечатление – дура. Так что в сумме получилась: противная, очень противная дура.

Мадам Бобович выглядела без возраста: от сорока до шестидесяти. Худая, но не тонкая, а просто недокормленная, с тревожным блеском в глазах.

Я ей тоже не понравилась, это было заметно по выражению ее лица. Причина, я думаю, в том, что мне надо было выплачивать гонорар, а Каролина Бобович не любила расставаться с деньгами, даже чужими, казенными.

Короче, мы встретились.

– Я могу предложить вам десять тысяч франков, – предложила Каролина Бобович. При этом смотрела на меня не моргая, как рыба.

– Двадцать, – сказала я.

Мадам молчала, видимо, подсчитывала в уме расходы и доходы. На Западе полагали, что русские слаще морковки ничего не ели, до сих пор не слезли с деревьев, качаются на хвостах и их можно купить за копейки. Я знала, что французский франк в пять раз меньше доллара и десять тысяч франков – не деньги.

– Ну ладно, – согласилась мадам Бобович. – Пусть будет двадцать.

Я ушла в хорошем настроении. Деньги были нужны. Хотелось приодеться в Париже, прошвырнуться по модным домам и приехать в Москву настоящей парижанкой. Хотелось привезти домой два компьютера: один для работы, другой на продажу.

Мы договорились с мадам Бобович о следующей встрече. Она вручит мне договор, и у меня еще будет время для шопинга.

В этот вечер наша писательская группа отправилась на прием. Нас все время куда-то приглашали.

– Ты сколько собираешься попросить? – спросила я у своей подруги (тоже писательницы, разумеется).

– Сорок тысяч, – сказала она, жуя.

– Не дадут.

– Не дадут, но испугаются. И будут рады, если я соглашусь на тридцать.

Я поняла, что бизнес-способности – мое слабое звено. Думаю, что мадам Бобович тоже это поняла. Это заметно.

Настал день встречи в издательстве. Мадам Бобович сидела на своем месте в скучном платье и со скучной мордой, хотя «морда» – это у животных, и скучных морд не бывает. Все животные, даже козы, имеют очень милые лица.

Каролина Бобович поджала губы и сказала:

– Я передумала платить вам двадцать тысяч. Вы их не стоите. Кто вы такая?

– Я Токарева, – напомнила я на тот случай, если она забыла.

– И что такое Токарева? – обидно усмехнулась Бобович. Ей хотелось добавить: «говно на лопате», но она не добавила, только скривила рожу, как будто перед ней положили этот самый продукт.

Мадам Бобович действовала по привычной схеме: унижить собеседника, втереть его пяткой в землю, и уже оттуда, из-под пятки, будет невозможно выпрямиться в полный рост. И жертва согласится на предложенные условия.

– Я готова вам заплатить десять тысяч франков. Первоначальную сумму, – сказала Бобович.

Она рассчитала, что через два дня делегация уезжает, у меня не остается времени для поиска другого издательства и, загнанная в угол, я соглашусь на ее условия. Все-таки десять тысяч франков лучше, чем ничего. Но «я не люблю, когда мне лезут в душу, тем более, когда в нее плюют». И не люблю, когда меня унижают (как будто кто-то это любит).

– Я подумаю, – хмуро молвила я и пошла к выходу.

– Одну минуточку! – всколыхнулась мадам. – У вас есть мой телефон?

Она протянула мне визитку. Я взяла, хотя знала, что визитка мне не понадобится. «У русских собственная гордость», – не помню, кто это сказал.

– Я жду вашего звонка, – нервно объявила мадам.

Мне захотелось сказать ей пару слов по-французски, но я промолчала. Я сомневалась в своем произношении.

На следующий день состоялся еще один, заключительный прием.

Еды было навалом. Наши ходили и ели без остановки. Ели впрок, поскольку было неясно, удастся ли поесть вечером.

Я стояла с бокалом французского вина – печальная, но не раздавленная. Скорее, упертая. Обидно, конечно, возвращаться без компьютеров, но зато я не увижу больше противную, очень противную дуру.

Ко мне приблизился квадратный француз с круглыми рыжими глазами. Как у петуха.

– Жан-Люк. Я представляю издательство «Фламарийон».

Он говорил по-русски с французским акцентом. Было очевидно, что это француз с прекрасным знанием языка.

– Я ваш поклонник, – сказал Жан-Люк.

– Спасибо...

– Вы одна из самых ярких писателей своего поколения.

– Да ладно... – смутилась я.

– Нет, нет, поверьте. Вы сумели услышать месседж своего времени и передать его дальше. Я даже не знаю, как вам это удалось.

Я почти физически почувствовала, как вылезаю из-под пятки Бобович и расту, расту вверх. Жан-Люк вернул мне мой «идеал Я», мое попранное достоинство, и, более того, он меня возвысил. И я парю. И уже посматриваю на других сверху вниз, из-под облаков.

– Я предлагаю вам гонорар сорок тысяч франков, – произнес Жан-Люк.

Мои мозги закипели от счастья.

– А где вы раньше были? – удивилась я.

– Я выжидал. Я всегда так делаю. Выжидаю до последнего дня, а потом удваиваю гонорар.

– Но я завтра улетаю...

– Ваш самолет в четырнадцать часов. Я буду у вас в отеле в девять утра. Мы вместе позавтракаем и подпишем документы.

Сказка... Сон...

Жан-Люк явился ровно в девять утра.

Кровать в моем номере занимала четыре метра, а сам номер – пять метров.

Мы сели на кровать. Больше некуда.

Жан-Люк вытащил из папки документы, которые надо было подписать.

Я подложила под листки жесткую папку Жан-Люка. Подписала договор в двух экземплярах: один ему, другой мне.

История со счастливым концом.

Но ведь я могла согласиться на предложение Бобович и тогда не досталась бы Жан-Люку.

– Вы могли меня упустить, – сказала я.

– Да. Я рисковал. Но кто не рискует, тот не выигрывает. Я недавно перехватил у Бобович знаете кого?

– Откуда же я знаю? – Я вопросительно смотрела на Жан-Люка.

– Михаила Горбачева! – объявил он.

– Боже...

– Они с Бобович договорились на вторник на десять часов утра, а я приехал в восемь утра и удвоил цену, так что, когда Бобович притащилась в отель на своем драндулете, было поздно. Ее тогда чуть не выгнали с работы. Хозяин сказал: «Сосредоточьтесь на другом издательстве».

– Но не выгнали?

– Да. Хозяин дал ей шанс, но предупредил, что, если еще

раз случится нечто похожее, она потеряет место. А потерять работу во Франции – не то что в России. У вас в России в советские времена не было такого классового расслоения. А в Париже... ты – как на корабле. Приходится менять палубу, спускаться ближе к трюму. Другое окружение, другая еда, полная потеря статуса. Некоторые стреляются.

Бедная Бобович. Ее сгубила жадность и глупость. Она во второй раз наступила на те же самые грабли.

Тем не менее я должна ей позвонить, поставить в известность. Попрощаться, по крайней мере.

– Вы не могли бы позвонить Бобович? – спросила я.

– Авек плезир, – ответил Жан-Люк, поднимаясь с кровати.

– Вот визитка...

– Я знаю, – отмахнулся он. – Что мы ей скажем?

Можно сказать: «Я от тебя ушла, кто ты такая?» Но зачем мстить? Это мелко.

– Скажите так: Токарева благодарит вас за внимание к ее творчеству. Но у нее переменялись планы.

Жан-Люк набрал нужные цифры. Проговорил все, что мы наметили.

– Кто это? – вскричала Бобович. – Кто? Как? С кем я говорю? Назовите имя, имя, имя...

С Бобович была буквально истерика. Она поняла, что придется переходить на другую палубу и уже пора собирать вещи.

– Хотите что-нибудь сказать? – спросил Жан-Люк.

– Передайте оревуар, – ответила я.

Жан-Люк попрощался и снова сел на кровать. Больше сесть было не на что.

Нависла сложная пауза.

Париж. Номер. Кровать четыре метра. Мужчина и женщина.

Глаза у Жан-Люка рыжие, умные, авантюрные.

Когда мужчина умен и талантлив, о внешности забываешь. Но... где-то далеко за нашими спинами металась дура Бобович, мельтешила, мелькала, вскрикивала, будто в нее стреляли.

У русских есть поговорка: «На чужом несчастье счастья не построишь...»

Я вздохнула и поднялась с кровати, ставя точку на своем пребывании в Париже. Скоро самолет, пора собираться. Я не могу уезжать больше чем на десять дней. Я хочу домой.

Оревуар, Каролина Бобович.

Оревуар, Жан-Люк, плеснувший мне в лицо горсть радости.

Оревуар, Париж. Мерси боку.

Лето

Каждое лето в первых числах июня в Сочи проходит кинофестиваль «Кинотавр».

Я ездила на «Кинотавр» семнадцать лет подряд. Мне было интересно посмотреть новое кино, познакомиться с новыми направлениями и встретиться со старыми друзьями.

Все меняется, мы меняемся, и кино меняется. Выросло новое поколение, я уже никого не знаю.

Подошла Лиля Ахеджакова и сказала:

– Старше нас только «молодогвардейки».

Вряд ли современный зритель помнит этот фильм Герасимова и этот роман Фадеева.

Фестиваль селили на морском побережье в отеле «Жемчужина».

Непосредственно на берегу стояли ресторанчики, и в них с утра до вечера «гуляли» кинематографисты.

На фестивале заметно расслоение общества внутри общества: богатые и бедные, знаменитые и неизвестные.

Я обратила внимание на молодую женщину в перьях – абсолютно Кабирия. Она сидела в прибрежном ресторанчике и чего-то выжидала. Я спросила:

– Кто это?

Мне ответили:

– Проститутка.

– А что она здесь делает?

– Продается.

– Ее пускают? – удивилась я.

– А почему бы и нет...

Далее мне объяснили, что эта Кабирия приехала из Германии, она замужем за немцем. У нее муж и двое детей. Одиннадцать месяцев в году – она добропорядочная дама, верная жена и добродетельная мать. Но потом ей это все надоедает до ноздрей. Она едет на месяц в Сочи и отрывается по полной, при этом неплохо зарабатывает.

– Она, наверное, до замужества была интердевочка, – предположила я.

– Почему ты так решила?

– Семейная жизнь надоедает всем, но ведь никто не отрывается. Нет такой привычки.

Многие ведут спортивный образ жизни.купаются до завтрака, играют в теннис. Но основной состав спит до обеда и встает с трудом. Жизнь на фестивале – ночная. Много красивых женщин. Немало бандитов. Настоящих, с цепями. В девяностых годах фестиваль сделали коммерческим предприятием, и бандиты могли свободно купить путевку и попасть в высшее общество.

Открытие фестиваля в том году было очень скудным. На столе стоял шпротный паштет и по пять молодых картошек на брата. Все! Позор. Но что делать, не достали денег. Пре-

зидент фестиваля звонил в банки, клянчил, умолял, никто ничего не дал.

И вдруг на мой стол передо мной ставят вазу с черной икрой. Бандиты прислали. Узнали, что я имею отношение к фильму «Джентльмены удачи». Я стала искать глазами: кто? Увидела. В центре зала за составленными столами сидела вся «малина» с тяжелыми цепями и малодуховными лицами. Карачаевская группировка. Я им поклонилась. Они снисходительно кивнули.

Караул! До чего мы дошли. Художники с уголовниками в одном пространстве и неизвестно кто главнее?

Икру я не ела. Не успела. Пока я кланялась бандюкам, ее расхватили соседи по столу.

Ко мне подошла моя подруга Дина – жена народного и заслуженного. Ей под шестьдесят. Дина в этом году грустная, у нее умер кот по имени Валет, и она не может этого пережить. Валет жил с ней семнадцать лет, и сейчас она постоянно ищет его глазами. Плачет. Буквально депрессия.

Ее никто не понимает. Подумаешь, кот. Это же не ребенок. Зверь. Но Дина и Валет были едины. Они вместе ели, спали, одинаково думали. Муж Дины был занят собой и своей карьерой, на жену внимания не обращал. И единственное существо, преданное Дине всей душой, – Валет. Ко всему он был красавец с изумрудными глазами, тигриным окрасом, активным нравом. Мужик. Хищник.

Он спал в ногах Дины, но к утру перебирался к ее голове и укладывался на подушке. Она слышала струйку его дыхания на своей щеке. А теперь Валета нет, внутри Дины пустота, воронка, как от взрыва, и не с кем поговорить.

– Мне под дверь подсунули записку, – сообщила Дина, протянула листок бумаги.

Я прочитала: «Если вам грустно и не с кем поделиться, я с удовольствием вас выслушаю. Георгий».

– Что это? – спросила Дина.

– Понятия не имею.

Мы пошли к морю. Расположились на лежаках под зонтами. К Дине приблизился молодой парень в белых джинсах.

– Здравствуйте, – кивнул он. – Я Георгий.

Дина непонимающе смотрела на парня.

– Я вам записку прислал. Это я.

– А-а-а... – обрадовалась Дина. – Вы не представляете себе, как кстати. Мне так хотелось с вами поделиться. Мой муж – он с призванием, ему не до меня. Его зовет призвание. Знаете, в каждом человеке есть бессмертная душа и прямая кишка для стока фекалий. Так вот: мой муж несет на работу свою бессмертную душу, а домой возвращает свое усталое потное тело, полное говна...

– Это не надо, – перебил Георгий. – Просто скажите: да или нет? Мой час стоит триста долларов.

– Какой час? – оторопела Дина.

– Интимные услуги. Высокого качества.

– Но вы написали: поделиться...

– Это не надо. Просто да или нет?

Георгию было некогда выслушивать бесплатно. Его час стоил больших денег.

– Так вы жиголо? – догадалась Дина. – Платный любовник?

– А что? Почему вам можно, а нам нельзя?

Я смотрела на Георгия и думала: вот что принесла демократия. Вот что такое свобода. Теперь мы – как Они. У Них при отеле платные любовники, и у нас – не хуже.

Дина куда-то пожаловалась. Георгия выгнали в шею. Больше он на пляже не появлялся.

Фестиваль – это настоящая ярмарка тщеславия. Все творцы жаждут славы. В течение десяти июньских дней кажется, что нет другой жизни, кроме этой. За главный приз можно отдать глаз, руку и почку. Любой парный орган. А зуб – нечего и думать. Любой зуб и даже всю челюсть.

В тот год приз получил фильм «Волчок». Режиссер – из глубинки. Он показал самое настоящее дно, куда обычно художники не заглядывают. Бесстрашная, талантливая лента.

После фильма я возвращалась в гостиницу по длинной, нескончаемой каменной лестнице. Мы шли рядом с Лариской из шоу-бизнеса. Я всю дорогу восхищалась.

– А мне не понравилось, – сказала Лариска. – Я сидела в этом дне всю молодость. Мой первый муж пил и бил меня.

Я двадцать лет карабкалась из этой ямы, ломая ногти, чтобы вылезти в другую жизнь. Вылезла и счастлива. Ничего хорошего в прошлом я не вижу. Самое большое зло – бедность.

Каждая осталась при своем мнении.

Запомнился фильм «Старухи». Не запомнился даже, а врезался. Он взял несколько призов: за дебют, за режиссуру, за что-то еще.

Сюжет: в заброшенной деревне живут восемь старух. Матерятся открытым текстом. Туда приезжает семья узбеков из горячей точки. Происходит внедрение мусульманского уклада в русский. Не противостояние, а именно слияние двух культур, обычаев дает потрясающий результат, необходимый всем.

О режиссере Гене Сидорове хочется написать отдельно. И я напишу когда-нибудь.

В России никогда не иссякнут таланты. В чем причина? Может быть, из-за климата. Лето короткое. Холодно, темно. Поэтому пьют, мыслят и страдают.

Кино – молодое искусство. Братья Люмьер пустили свой паровоз только в начале прошлого века. Кино быстро развивается и так же быстро стареет, быстрее чем женщина.

Но, как известно, в начале было Слово. Для кино очень важна литературная основа.

У нас всегда была самая высокая литература. И есть. И

будет. Это такая страна. Такая земля. Такая миссия.

Он и она

Он – знаменитый режиссер Кричевский. Алкоголик. Гений. Так бывает. Это называется «патология одаренности».

Гениальность – не норма. Норма – заурядность, когда человек стоит в общем ряду. Заурядные – один за другим, как в пионерлагере, смотрят в затылок предыдущего. Не выделяются. Однако науку двигают шизофреники, искусство – алкоголики. А заурядные просто живут, едят и размножаются. Гении тоже едят и размножаются, но для них главное – самовыражение. Есть что выразить. И они знают, КАК выразить. А все остальные – потребители. Потребляют ЧТО и КАК, форму и содержание.

Она – жена режиссера Вера. Каждому гениальному режиссеру нужен гениальный зритель. Вера – зритель.

Познакомились в институте кинематографии. Вера училась на киноведческом, блистала красотой и яркостью суждений. Кричевский заметил ее в буфете, стоял за ней в очереди и там же, в очереди, понял: вот она, его будущая жена.

У Кричевского – ни кола ни двора. У Веры – двушка в хрущевке вместе с мамой и пьющим братом.

Вера ненавидела запои и больше всего боялась нарваться на алкоголика.

Чего боялась, то случилось.

Довольно долгое время Кричевский был нормальный, лю-

бимый, ни на кого не похожий, а потом пошло-поехало... Надо было сразу бросать такого мужа и стремительно бежать в другую сторону. Но сразу не получилось, а потом было поздно. Уже привыкла, уже полюбила. К нему рано пришел успех, а успешный режиссер – это главный бабуин в стаде обезьян. Предположим, Вера бросила бы Кричевского, его тут же, буквально на лету, подхватила бы другая ловкая обезьяна... А вот фига вам.

Вера решила исправить ошибку природы. Нашла хорошего врача. Врач кодировал мозги и таким образом успешно лечил алкоголизм и ожирение. Алкоголики переставали пить, а толстые – обжираться.

Врач сказал Вере очень важную вещь. Да, он может вылечить Кричевского от запоев, но автоматом он вылечится и от таланта. Нельзя внедряться в подсознание, в святая святых. Пусть все остается как есть. Кричевский пьет неделю в месяц, но остальные три недели он – художник и творец. И он счастлив. Разве не жестоко превратить его в заурядную личность?

Вера задумалась. Решила оставить все как есть. Единственное – следить за его здоровьем: чтобы во время запоев он правильно питался и не выскакивал за забор. В пьяном виде его посещали фобии, ему казалось, что он где-то что-то забыл. Он нервничал, искал – это производило на окружающих тяжелое впечатление, а Вера не хотела, чтобы ее жалели, сочувствовали. Она любила, чтобы ей завидовали. А тут

– какая зависть?..

Я вышла за калитку. Увидела бегущую Веру. Она выглядела нелепо, как люди, не умеющие бегать. Локти – в стороны, голова вниз.

Вера поравнялась со мной и торопливо спросила:

– Ты Сашку не видела?

– Нет, – сказала я.

Было понятно, что Сашка вырвался за забор и его надо отловить.

Я пошла своей дорогой и через пять минут на меня вылетел Сашка. Глаза у него были огромные, желтые, как у филина, лицо отекавшее, как будто под кожу накачали желтый гель.

– Тебя Вера ищет, – сказала я.

– У меня машину украли. В гараж залезли...

– Поселок охраняется, – напомнила я.

– Охранники с ворами заодно. Они сообщают ворами, когда меня нет дома. Воры им за это отстегивают...

Глаза у Сашки горели нехорошим, тревожным блеском. Было непонятно: правда это или «белка» (белая горячка)?

На нас набежала Вера. Схватила мужа за руку.

– У меня машину украли, – пожаловался Кричевский и заплакал.

– Идем! – Вера жестоко поволокла мужа в сторону дома. Примерно через десять лет после свадьбы они забыли о своей бедности и жили как преуспевающие буржуа: загородный

дом, два «мерседеса», счет в банке. Гениальность почти всегда соседствует с успехом, а успех с деньгами.

Вера имела все, о чем можно мечтать, плюс статус жены гения. Встреча со мной на дороге – это катастрофа. Теперь соседи будут обсуждать, догадываться, что у Кричевского «белка». Бегает по поселку, гоняет чертей. Налицо статус жены сумасшедшего.

Вера привела мужа домой. Он грохнулся в кресло и за-снул, сидя.

Вера пошла в гараж. Обе машины стояли на месте. Все в порядке.

Она заперла гараж.

Дом стоял посреди поляны – красивый оштукатуренный дом, прекрасно обставленный.

Она всю свою жизнь занималась этим домом, выписывала мебель из Франции. Когда приходили гости, сразу замечали эту скромную ненавязчивую роскошь.

Режиссер Кричевский жил в обстановке, соответствовавшей его статусу. Все делалось для того, чтобы подтвердить статус, пустить пыль в глаза. Накрывались столы, изысканные блюда, серебро, посуда из петербургского императорского фарфора. Кричевский был прекрасен в предвкушении реальной выпивки. Он говорил глубокие философские то-сты. А в конце застолья гости расходились, он засыпал ли-цом в тарелке. Это было начало запоя, который продолжался вечно, и по дому плавали запахи утраченных иллюзий и

ее загубленной жизни.

Из чего состояла жизнь Веры? Ни детей – страшно рожать от больного. Ни собственных интересов. Ее подруги по институту возглавляли журналы, ездили на кинофестивали в Канны и в Венецию, размышляли о кинопроцессе.

Свою бессмертную душу Кричевский вкладывает в работу, а домой приносит только больное тело, которое надо обслуживать. И что в результате? У нее есть машина, дом, посуда, а себя самой у нее нет.

Вера достала рюкзак, сунула в него зубную щетку, тапки и ночную рубашку. Всё! Больше она из этого дома не возьмет ничего. Ей ничего не надо. Она уйдет в новую жизнь, нищая и свободная, и все начнет с нуля. У нее получится. У нее столько идей. Главное – чтобы не мешали, не путались под ногами.

А Кричевский... пусть выживает как хочет. Она ему не мама, а он ей не сын.

Вера не стала выводить свою машину из гаража. Проверила кошелек. На дорогу хватит, а там будет видно.

Она пошла пешком до автобуса и спокойно доехала до Москвы. И по Москве. Боже, как давно она не ездила в метро. А в метро – люди, лица.

Вера добралась до своего отчего дома: двухкомнатная квартира в хрущевке.

Мама сидела в главной комнате и шила коврик из ситце-

вых лоскутов. Куски ткани валялись на полу и на диване.

Коврики она продавала на базаре. Они шли довольно хорошо. На еду хватало и оставалось.

Мама была не старая, но выглядела плохо. Неухоженная, хоть и аккуратненькая.

– Ты зачем приехала? – спросила мама.

Вера не баловала ее посещениями, поэтому мама удивилась.

– Я домой приехала, – сказала Вера и положила рюкзачок на стул. Прошла в смежную комнату. Там спал брат. Он тоже был алкоголик, но иначе чем Кричевский. Саша пил запоем одну неделю в месяц. А брат каждый день с утра до вечера понемножку, но к концу дня в нем оказывался литр. Комната была заполнена теми же самыми запахами алкогольных паров.

Вера вернулась к матери, села на стул.

В ее прежней жизни все эти реалии распространялись на два этажа большого дома, на поляну перед домом и сдержанную роскошь вокруг. А здесь – все то же самое, но погруженное в бедность, убожество, и конца-краю не видно.

Когда еще она себя найдет? И где?..

– Кушать будешь? – спросила мать.

– А что у тебя есть?

– Жареная картошка. С лучком.

Вера подумала. Жареную картошку она не ела лет пять. Эта еда считалась бесполезной, несущей холестерин.

– Да нет, спасибо, – отказалась Вера.

Она взяла рюкзак, поднялась.

– Я ухожу.

– А зачем ты приезжала? – спросила мать.

– Повидаться.

– У тебя все в порядке?

– По-старому, – ответила Вера.

Мама кивнула. Главное – не хуже. Мама была не избалована жизнью, принимала все как есть. На все воля Божия.

Вера поехала обратно. Как бы ни была унижительна ее жизнь, она все-таки не бессмысленна. Вера обслуживает талант. В его успехе есть и ее незаметная, но существенная роль. Это раз. Второе: Кричевский не виноват в своих запоях. Алкоголизм – тяжелое аутоиммунное заболевание. Люди не понимают, думают, что алкоголизм – распущенность. А это – сбой в обмене веществ. Организму не хватает фермента, который есть в спирте. Отсюда – неумолимая тяга к алкоголю. Отсюда – запои.

А она, Вера, бросила больного человека и поперлась в самостоятельную жизнь, реализовывать себя как личность. Да кому нужна ее личность? Ну, напишет статью о современном кино. Ну, съездит в Канн. Кому она там интересна? А Кричевскому она нужна даже для того, чтобы ловить его в поселке. Или носить на спине, как мешок с картошкой. Было такое. Напился в ресторане и заснул. Друзья разбежались.

Пришлось нести самой.

Это ее функция в жизни. Поддерживать мерцающий огонь таланта в брэнном теле. И этот огонь будет светить всем. Вера останется в тени, но разве это важно? Важен свет, который освещает дорогу, как фары грузовика в ночи.

Вера сошла с автобуса и побежала к поселку. Она торопилась. Боялась опоздать. Мало ли что может случиться...

С замиранием в душе дернула на себя входную дверь.

Кричевский стоял посреди прихожей совершенно трезвый. Протрезвел. Его глаза были осмысленные, испуганные и казались больше обычного, в пол-лица.

– Это ты? – осторожно проговорил он. – А я думал, что ты меня бросила... Я так испугался...

Вера шагнула к нему. Обняла крепко. Он обхватил ее, прижал, притиснул.

Она положила голову на его плечо и дышала ему в ухо. И если бы рядом находился художник, он нарисовал бы их внутри одного овала.

Как близнецы внутри одного плодного яйца.

Скажите, пожалуйста...

Однажды я приехала в больницу, которую называли «Кремлевка». Эта больница обслуживала власть предрержающую, и поэтому я считала ее лучшей. А как было на самом деле – не знаю до сих пор. Думаю, что хорошие врачи есть и в районных больницах. Но сейчас не об этом.

Я шла по восьмому этажу, где находилось отделение ортопедии. И вдруг увидела, что возле палаты друг против друга сидят два ханурика с автоматами. Один просматривает правое крыло коридора, другой – левое. Как в остросюжетном детективе.

Впоследствии выяснилось: это и был детектив. Накануне на территории какого-то рынка произошла бандитская разборка. Сошлись две группировки и стали палить друг в друга. Одному авторитету попали в плечо. Этого авторитета тут же погрузили в черный «мерседес» и повезли в «Кремлевку». Кто повез? Обслуга, на воровском языке они называются «пацаны», если я не путаю.

«Кремлевка» строго охраняется специально обученными людьми, которые сидят при въезде и при надобности открывают ворота. Но прежде чем открыть, выясняют: кто едет? Куда? К кому? Требуют пропуск. За ворота и мышь не проскочит, не то что «мерседес».

«Мерседес» подъехал. Охрана вальяжно вышла для выяс-

нения. Пацаны выскочили из «мерседеса», взяли охранников за шкирку, положили их на землю лицом в снег, а к голове приставили автомат.

Охрана – тоже люди, им своя жизнь дороже инструкции. Не так им хорошо платили, чтобы погибать на боевом посту.

Они живо открыли ворота. «Мерседес» проехал к основному зданию.

Пацаны вытащили раненого авторитета и подняли его в лифте на нужный этаж.

Дежурный врач сразу оценил внештатную ситуацию, но милицию вызывать не стал, по той же причине, что и охранники. Жизнь дороже. Да он бы и не успел. Пацаны окружили и сказали:

– Вызывай главного.

Главный был уже дома, ужинал и смотрел телевизор, поскольку его рабочий день кончился в шестнадцать часов.

Ему позвонили из больницы, сказали: «НАДО приехать», выделив слово «надо».

Главный приехал быстро, поскольку жил в этом же районе.

Авторитет находился уже в операционной. Оставалось: дать наркоз и начать операцию.

Пацаны приблизились к главному врачу, показали ему пачку долларов толщиной в палец. Один из них сдержанно проговорил:

– Сделаешь как было, получишь это. Нашему другу дорога

его жизнь.

Главный глубоко кивнул.

– А тебе – твоя, – со значением добавил пацан.

Главный кивнул во второй раз. Ему дали понять, что в случае врачебной ошибки он получит пулю, а скорее две. Вторая будет – контрольный выстрел. Никогда еще главврач не работал с таким энтузиазмом и вдохновением. На кону лежала жизнь плюс пачка зелени толщиной в палец.

Вместе с дежурным, в четыре руки, они работали не вслепую, а под контролем специальной телевизионной камеры, которая безошибочно показывала состояние сустава, место нахождения пули.

Все было сделано на самом высоком уровне. Главный оперировал мастерски и, что странно, с удовольствием. Операция прошла без осложнений.

Больного положили в лучшую палату. Возле палаты установили круглосуточную охрану: пацаны с автоматами.

Представители из другой группировки могли вернуться и добить.

На следующий день по коридору шла я и с любопытством смотрела на охранников. Это были тридцатилетние парни в тренировочных синих финских костюмах с красной полосой. Славяне. Русоволосые. Лица – бесстрастные, с оттенком высокомерия.

Я уже знала детективную историю, вся больница гудела,

но гудела шепотом. Громко – боялись. Вдруг охрана рассердится и пальнет. Им не привыкать. Для них выстрелить как нам высморкаться.

Я подошла к палате и остановилась. Разглядывала пацанов.

Они недовольно на меня покосились. Перед ними стояла не телка, а тетка. Неинтересно. И чего стала?

– Простите, пожалуйста, можно задать вам вопрос? – обратилась я сразу к обоим.

Пацаны лениво подняли на меня глаза.

– Я писатель. Автор фильма «Джентльмены удачи», – представилась я.

– Ну... – отозвался один из них.

Я получила право на вопрос.

– Я коротко, – пообещала я.

– Ну давай, чего... – поторопил второй.

– Вы убиваете друг друга из-за денег. А главная ценность – это жизнь. Зачем же лишаться главной ценности из-за второстепенной? Деньги всегда можно заработать. А жизнь уже не восстановишь...

– Вы не поймете, – сказал левый.

– Почему?

– Потому что вы – из стада.

– А вы откуда? Тоже из стада. Только из другого.

– Ладно, иди... – потребовал левый.

Я отвлекала их от основного дела.

Я не стала задерживаться. Я могла их обидеть, вернее – они могли обидеться и нагрубить словом и делом.

Я сидела в очереди к врачу, потом пошла домой и все время продолжала думать о встрече.

Мое стадо: утром на работу, вечером домой.

Его стадо: «украл – выпил – в тюрьму».

Волки и овцы.

Но почему-то во всем мире, во всех самых благополучных странах есть определенный процент преступников. Природа так распорядилась. Зачем-то это надо.

У волков свой драйв и своя романтика, а овцы – покорны, законопослушны. Экстрим не для них. Они получают удовольствие от стабильности.

Пацанам, наверное, были смешны мои вопросы, все мои «скажите, пожалуйста».

О чем может спрашивать овца матерых волков? О чем они думали, глядя на меня?

Очень возможно, пацаны думали о том, что я – никакая не писательница, а подсадная утка, засланная противодействующей преступной группировкой. Сейчас я их отвлеку, и те, кто надо, прорвутся и постреляют всех, кого наметили.

Я не подсадная утка. Я – овца, при этом ведомая. Я могу только идти следом за бараном. И мне это нравится. Я таким образом могу планировать свою жизнь и знать, что будет завтра.

Справедливость

В начале девяностых я построила дачу – осуществила свою мечту. Я всегда, всю жизнь мечтала жить на земле, ходить босиком по траве, заземляться. Когда человек живет на этажах, он не заземляется, в нем скапливается дурная энергия, и в этом причина всех болезней. А когда человек заземляется, все плохое сбегает вниз, к стопам, и через стопы уходит в землю. И человек очищается, легче дышит, радостней смотрит, лучше видит хорошее. Заряжается космосом. А космос – это и есть главная батарейка.

Короче: дача построена. Из кирпича. Кирпич – это глина, экологически чистый материал, но холодный. Его надо обогревать.

Я купила стальной котел советского производства. Греет, конечно, но недостаточно. Я купила второй котел, такой же, советский. Они стояли как два дурака и загромождали всю котельную. Я догадывалась, что второй котел – ошибочное решение.

Я стала спрашивать местных специалистов, что делать в моем случае? Никто не знал. Пожимали плечами, говорили что-то невразумительное. Передо мной как бетонная стена стала неразрешимая проблема. И вдруг... я догадалась, что надо делать. Я даже помню этот момент, когда я догадалась. Я сидела в гостях у соседа Сережи Боброва, мы пили чай, я

бороздила глазами по стенам и набрела на котел. Он стоял на кухне. Это было допотопное сооружение, может быть даже довоенное, сейчас таких не делают. И в этот момент меня озарило: надо выкинуть два моих котла и купить новый, более мощный. Шведский или американский.

Зачем два маломощных котла, когда можно купить один, способный отопить любое пространство? Это же элементарно. Почему я не догадалась раньше и почему мне никто этого не подсказал?

И я поняла: никто не хотел слушать и вникать, ибо это – усилие. Никто не хочет напрягать себя бесплатно. Вот что сделала перестройка. Она испортила целый народ. Мы именно тем и отличались, что были бескорыстны, душевны, наивны, как дети. А теперь на нашу русскую нищету опрокинули капиталистические возможности, и все захотели денег, потому что только на деньги можно обменять эти возможности.

Короче, я позвонила в газовое хозяйство и спросила: какие есть котлы? Мне перечислили. Я выбрала чешский котел «Протерм», потому что он был изготовлен из чугуна. Сорок килограммов чугунины плюс автоматика. Не машина – зверь. Остальные котлы, включая шведский и американский, были сделаны из стали. Сталь – уважаемый материал, но он легкий, такой котел можно поднять двумя руками. А сорок килограммов чугуна будут стоять на четырех точках, как танк.

Мне назвали цену: тысяча долларов. Цена по тем време-

нам большая, но я решила: отопление – это такая серьезная позиция, на которой не надо экономить. В доме должно быть тепло и светло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.